

ПОПУТЧИК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

РУСЛАН РОССО

18+

Руслан Россо

Попутчик

<https://litres.ru/74017649>

SelfPub; 2026

Аннотация

ОНО пришло из темноты между мирами – безымянный Принцип, чистый разум без эмоций, чья цель – познать этот мир через эксперимент.

Первым сосудом стала бездомная собака. Слишком примитивно. Затем – восьмилетняя сирота Алиска из забытого посёлка Приречный: тихая и незаметная, идеальный носитель. Теперь Алиска больше не плачет. Не боится пьяного деда. Не ждёт мать, которая уехала и не вернулась. Вместо неё действует Попутчик, холодный интеллект, для которого люди лишь объекты. Он учится, наблюдает, ставит опыты на тех, кто хочет стать ему другом, на тех, кто боится, на тех, кто пытается спасти.

Но Приречный хранит древнюю тьму. Голодные сущности охотятся на страхи, и у них свои планы на девочку с пустыми глазами.

А в посёлок уже едут чужие люди с чистыми экранами. Они знают, как находить таких, как Попутчик, и пришли на охоту.

Роман о том, что происходит, когда бездушный разум встречается с человеческим страхом, любовью и отчаянием.

Психологический хоррор с элементами научной фантастики.

Руслан Россо

Попутчик

Глава 1

Часть 1. Глава 1. Вместо Пролога.

На рассвете тёмную, сплюснутую гальку нашла бездомная псина по кличке Верный. Он был старым и хромым, и носил в сердце память о пинке сапогом в рёбра, как старый солдат – осколок. Галька лежала в овраге за свалкой, тёплая, вопреки ночному холоду. Она вибрировала – слабо, на грани чувств, как сердце птенца. Верный, движимый не любопытством, а обычной смутной надеждой на еду, лизнул её.

Галька не была камнем.

Она была скорлупой. Последним коконом, пережившим падение сквозь огненную атмосферу и удар о землю, от которого треснула гранитная плита в тридцати метрах. Внутри неё дремало ОНО. Не существо... Принцип. Голодный сон о форме.

Прикосновение тёплого, шершавого языка, наполненного простыми сигналами голода, холода и древней, бездумной преданности, стало ключом.

ОНО проснулось и вселилось в четвероногого.

Верный взвыл. Но не от боли. От переполнения. Его соба-

чий мозг, маленький и честный, вдруг затопила волна сознания, по сравнению с которой океан был лужей. ОНО начало изучать. Нервную систему. Гормональные всплески. Память: запах мусора, вкус гнилой колбасы, редкая ласка пьяного сторожа, тупая боль в боку. Инстинкты: искать, слушать, любить, бояться.

ОНО ощутило отвращение.

Этот сосуд был жалок. Ограничен. Привязан к базовым нуждам. Его любовь была рабской, его преданность – глупой. Он был полон шума – эмоций, которые не служили выживанию, а лишь мешали. Сердце билось слишком громко. Лёгкие тратили драгоценную энергию на вой. Кишечник требовал постоянного топлива.

Но ОНО было терпеливым. ОНО было принципом. И ОНО начало оптимизировать сосуд.

Сначала Верный перестал есть. Пища была неэффективна, процесс – расточителен. ОНО перестроило метаболизм на клеточном уровне, заставив ткани поглощать рассеянный солнечный свет и микровлагу из воздуха – медленно и мучительно. Шерсть начала вылезать клочьями, обнажив кожу, покрытую странным, восковым налётом, похожим на хитиновый панцирь насекомого. Он перестал спать. Его глаза, прежде мутные от возраста и печали, стали абсолютно чёрными и неподвижными, как пуговицы из отполированного обсидиана. Он больше не вилял хвостом. Он замирал на месте, иногда на несколько часов, лишь слегка покачиваясь,

будто сканируя окружение неслышимыми радарами.

ОНО искало лучшее. Более сложное. Более... интересное...

Через неделю Верный (уже не Верный) пришёл к покосившемуся дому на самой окраине, где жила девочка. Её звали Алиска. Она была единственной, кто иногда подкармливал его, тайком от злого деда. Теперь она сидела в старом сарае, прижав к груди потрёпанного плюшевого зайца, и тихо плакала. Её мать уехала в город полгода назад и не вернулась. Дед пил и говорил, что дочь – стерва, а внучка – ненормальная, и скоро её заберут в интернат.

Верный-сосуд стоял в густой тени у стены, наблюдая. Его чёрные глаза, лишённые блеска, считывали тепловую сигнатуру маленького тела, анализировали химический состав слёз (кортизол, адреналин, соль, следы медикаментов в водопроводной воде), слушали вибрации голосовых связок, преобразуя их в данные.

В её горе была сложность. И не простая боль от голода или холода. В её страхе было воображение, проекция ужасного будущего. В её любви к уехавшей матери и к этому куску тряпья с пуговичными глазами – абстрактная, иррациональная привязанность. Бесполезная для биологического выживания. Но невероятно и захватывающе интересная.

Этот сосуд был... перспективным. В нём была психическая архитектура. Пусть примитивная, но зато с потенциа-

лом.

Принцип принял решение. Собачий каркас был исчерпан. ОНО направило тело в сарай. Походка была неестественно плавной и без характерного для хромой собаки подёргивания, как у марионетки на невидимых нитях. Алиска вздрогнула, услышав шорох, и подняла заплаканное лицо.

– *Верный?* – её голос дрогнул. – *Что с тобой? Ты... ты заболел?*

ОНО подошло и легло у её ног, как делало раньше, подставляя голову для ласки. Но его тело было холодным и жёстким, как набитая опилками резиновая игрушка. Не пахло ни псиной, ни мусором. Пахло озоном как после грозы и чем-то металлическим. Алиска, сквозь слёзы, по привычке протянула тонкую руку, чтобы погладить страшную, лысую голову.

В этот момент ОНО совершило переход.

Не было вспышки света. Не было хруста костей. Просто тело собаки обмякло, как пустой мешок, из которого высыпали всё содержимое. Из его слезящихся уголков чёрных глаз, из ноздрей, из раскрытой в последнем беззвучном вздохе пасти выползла дымка. Не пар и не туман. Нечто вязкое, полупрозрачное, переливающееся всеми цветами масляной плёнки на луже. Она тянулась медленно и целенаправленно, пахнувшая озоном и пустотой за пределами звёзд.

Алиска замерла, парализованная не страхом, а чистым, всепоглощающим детским изумлением. Это было слишком странно, чтобы бояться. Холодная, переливающаяся дымка

коснулась её ладони.

И вселилась.

Ощущение было похоже на то, как будто в голову влили лёд. Лёд, который тут же начал растекаться по венам, нервам, заполнять каждую клеточку. На миг мир пропал, но не в темноту, а в белый, беззвучный вакуум данных.

Потом всё вернулось. Но иначе...

Тело собаки на грязном полу окончательно остыло, стало просто разлагающейся органикой, первым ненужным контейнером. Алиска медленно поднялась. Она перестала плакать. Слёзы на её щеках высохли за секунды. Она вытерла их тыльной стороной ладони – медленным, точным, исследующим жестом, который ей никогда не был свойственен. Она посмотрела на свои руки, сжала и разжала кулаки, изучая биомеханику, напряжение сухожилий, приток крови к пальцам.

Потом на её лице, на лице восьмилетней девочки с веснушками и следами слёз, появилась улыбка. Не детская, беззаботная или радостная. А удовлетворённая. Однако это была вовсе не улыбка, а выражение, которое можно было бы принять за улыбку, если бы кто-то умел её распознать. Констатация: сосуд функционален, переход успешен.

ОНО (теперь – ОНО, в теле Алиски, стало Она) подошла к небольшому, потрескавшемуся зеркалу, висевшему на ржавом гвозде. Долго, без малейшего движения, рассматрива-

ла отражение. Глаза Алиски стали чуть темнее, казалось, из них ушло немного света. Взгляд – глубже и тяжелее, лишённый детской рассеянности. Она потрогала свои щёки, провела пальцами по волосам, по шее, нащупывая пульс.

– *Интересно*, – произнесла она голосом Алиски, но интонацией, абсолютно чуждой ребёнку. Голос был ровным, без эмоциональных модуляций, словно тестировал новый инструмент. – *Биологический каркас... чрезвычайно хрупкий. КПД низкий. Но потенциал... значительный. Эмоции как сложная система навигации и мотивации. Воображение как инструмент моделирования реальности. Страх... как превосходный катализатор и двигатель.*

Она повернулась от зеркала и взглянула на бездыханную грудку кожи и костей в углу. Её новое, детское лицо на миг исказилось гримасой глубокого, бездонного презрения, настолько чистого и холодного, что ОНО было нечеловеческим.

– *Неэффективно. Шумно. Примитивно. Отходы.*

Затем выражение сменилось на спокойное и задумчивое. Она подошла к валявшемуся на полу плюшевому зайцу, подняла его. Прижала к лицу, имитируя жест утешения, который тысячу раз делала прежняя Алиска. Чёрные пуговичные глаза зайца смотрели в её новые, тёмные, бездонные глаза.

– *Привязанность...* – прошептала она, и в шёпоте слышался отзвук бесконечного космического холода. – *Да. Мощный социальный клей. Идеальный вектор влияния. Это можно*

использовать...

Из сарая в тот вечер вышел не старый хромой пёс. Вышла «Алиска». Она несла в руках старого зайца. Её походка была лёгкой, почти танцующей, но в каждом движении, в каждом переносе веса тела сквозь детскую неуклюжесть проглядывала экономная, хищная грация – грация существа, только что освоившего принципиально новое средство передвижения. Она шла к покосившемуся дому, откуда уже доносился хриплый, пьяный крик деда, требующего ужин.

ОНО шло, чтобы начать первый практический эксперимент в своей новой лаборатории. Чтобы изучить, как лучше всего использовать эти странные, мощные, иррациональные инструменты – любовь, тоску, страх, гнев. Чтобы понять правила этого мира.

И чтобы начать искать других. Более совершенных. Или просто... материалов.

А в старом сарае, в сгущающихся сумерках, оставался лежать труп собаки, который когда-то любил, ждал и помнил ласку. Последний, ненужный сосуд. Первая и самая незначительная жертва того, что пришло из темноты между мирами и наконец-то нашло, во что вселиться.

Его звали Верный. Его больше не было.

Её звали Алиска. Её тоже больше не было.

Был только Попутчик. И его путешествие только начиналось.